ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ю.В. ПОГРЕБНЯК
(Волгоград)

ОБЩЕРЕЧЕВЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО ДИСКУРСА

Раскрывается понятие интериоризованного дискурса, который в нашем понимании представляет собой модель внутренней речи героя художественного произведения, создаваемую автором произведения. Анализируются общеречевые функции интериоризованного дискурса, т.е. некоторые глобальные функции, которые присущи языку – речи вообще и, в частности, собственно внутренней речи и интериоризованному дискурсу.

Ключевые слова: *интериоризованный дискурс, внутренняя речь, мыслеоформляющая функция, номинативная функция, функция объективации, магическая функция, эмотивная функция, функция заклинания.*

Объектом исследования является интериоризованный дискурс, который мы рассматриваем как отражение внутренней речи персонажа в тексте художественного произведения. Функции интериоризованного дискурса имеют свои особенности, которые определяются, с одной стороны, свойствами и характеристиками интериоризованного дискурса, с другой стороны, условиями его функционирования.

Интериоризованный дискурс строится на определённом языке моделирования внутренней речи, внутренних эмоций, переживаний, образов и т.д. Внутренние психические процессы личности трудно моделировать при помощи средств естественного языка. «Ограничения языков моделирования обычно преодолеваются путем разработки новых языков и развития используемых» [9, с. 14]. Крелизованные, гибридизированные формы языка внутренних психических процессов и состояний персонажа и автора одновременно представляют собой пример создания своеобразного нового языка, с очень индивидуальными, общественно не устоявшимися значениями и смыслами.

В.П. Серкин говорит о разработке субъект-субъектного подхода к изучению психических явлений, в отличие от применяемого сейчас и применявшегося ранее субъект-объектного подхода, и утверждает, что «при использовании метода интроспекции исследователь пытается работать одновременно как два субъекта <…>. Получаемый интроспекционистом продукт, таким образом, является результатом взаимодействия деятельностей двух субъектов, и именно так и должен анализироваться» [Там же, с. 143–144]. На наш взгляд, интериоризованный дискурс должен изучаться с позиций субъект-субъектного подхода, т.е. необходимо учитывать тесное единство автора художественного произведения, который путем метода интроспекции пытается создать внутреннюю речь, мысли персонажа, самого персонажа, чей интериоризованный дискурс представлен в произведении, и читателя, на которого направлено это произведение.

В интериоризованном дискурсе наблюдается попытка смешения вербального и образного мышления, где образность нужно както выразить словами, что, как известно, невозможно сделать. С. Хоружий указывает на то, что в «Улиссе» Джойс не просто описывает чувственные образы, а передаёт впечатления от них через словесные эквиваленты [10]. В интериоризованном дискурсе вообще автор также использует словесные эквиваленты для передачи внутреннего психического состояния не только персонажа, но и, отчасти, своего.

Мы согласны с В.П. Серкиным в том, что модель явления, описываемого через свои отражения, «практически всегда строится как функциональная» [9, с. 146), и считаем, что такое сложное многомерное явление, как интериоризованный дискурс, естественно, требует построения функциональной модели в рамках субъект-субъектного подхода. Несомненно, существуют разнопорядковые функции: обязательные и факультативные для того или иного типа дискурса. С другой стороны, можно говорить о функциях, которые присущи

© Погребняк Ю.В., 2015

всем типам интериоризованного дискурса и отдельным его видам. Мы выделяем три группы функций интериоризованного дискурса:

1) обязательные, которые определяют сущность интериоризованного дискурса и присущи его всем видам;

2) необязательные для всех видов интериоризованного дискурса, т.е. те, которые проявляются в определённых видах и не проявляются в других;

3) неспецифичные для интериоризованного дискурса, однако, очевидно, исключать некоторые из них полностью из сферы употребления интериоризованного дискурса тоже не вполне корректно.

Представленная типология функций интериоризованного дискурса определяет специфику его свойств, специфику его структуры и содержания. Мы считаем, что интериоризованному дискурсу присущи разные группы функций: 1) общеречевые (т.е. некоторые глобальные функции, которые присущи языку – речи вообще и, в частности, собственно внутренней речи и интериоризованному дискурсу); 2) психологические (т.е. функции собственно внутренней речи и мыслительной деятельности индивида, представленные в интериоризованном дискурсе. Такие функции в большей степени связаны с отображением внутреннего состояния субъекта); 3) художественно-композиционные (т.е. такие функции, которые направлены в большей степени на раскрытие замысла художественного произведения). Естественно, что такое выделение групп функций весьма условно, т.к. в отдельных моментах функции разных групп могут пересекаться.

К группе общеречевых функций интериоризованного дискурса мы относим некоторые глобальные функции, которые присущи языку – речи вообще и интериоризованному дискурсу в особенности.

Функция языка как «орудия мышления и вообще как орудия интеллектуальной деятельности» [6, с. 33] относится к первой группе функций интериоризованного дискурса, являясь основополагающей для него. Внутренняя речь и мысли, лежащие в основе интериоризованного дискурса, связаны с начальными этапами порождения высказывания, и, следовательно, им присуща функция формирования мысли, более конкретно – функция формирования замысла высказывания, некоторого упреждения, предвосхищения высказывания.

Следующей основной функцией, относящейся к первой группе, является посредническая, или функция трансляции между языком и мышлением, которую можно назвать мыслеоформляющей. В приведённом ниже отрывке главная героиня самостоятельно расследует убийство молодой женщины и выстраивает ход своих внутренних рассуждений при помощи внутренней речи, тем самым формируя и оформляя свои мысли:

Я припомнила чьи-то шаги в доме и слышанное мной недавно в кухне мужское покашливание, и у меня зародились определенные подозрения. Спуститься с мансарды можно было двумя путями. Через кухню и снаружи дома, где по стене дома поднималась прочная лестница. Если это Виктор покашливал в кухне, значит, он зачем-то спускался с мансарды. А учитывая, что Любка куда-то исчезла, то возможно, что он зашел к ней и они ушли вместе [5, с. 37].

Номинативная функция, которая часто приписывается языку и речи и заключается в способности последних называть какие-либо объекты, тем самым давая новую информацию о них, в случае интериоризованного дискурса уходит на последний план. Мы считаем возможным, напротив, указать на наличие предикативной функции в интериоризованном дискурсе, т.к. в общении с собой человек, как правило, имеет чёткое представление о теме, предмете своего размышления, его в большей степени интересует рематическая сторона внутреннего высказывания, ведущая к анализу и возможному решению какой-либо проблемы, внутреннего конфликта. Н.И. Жинкин, говоря о различии собственно грамматических и смысловых связей, указывает на то, что предикативность относится к «смысловым явлениям, где устанавливаются содержательные смысловые связи» [4, с. 75].

В приведённом ниже внутреннем монологе душевнобольного Блувойса, в прошлом доктора, тема его размышлений является для него болезненной – смерть единственного и лучшего друга Зефа на его операционном столе. Доктор не смог спасти своего друга, и это стало отчасти причиной его психического расстройства. Видно, что в данном отрывке тема обозначена нечётко по той причине, что она является давно известной и основополагающей для жизни главного героя. Напротив, рематическая сторона представлена полно – Блувойс обвиняет себя в смерти друга, постоянно анализируя свои действия многолетней давности:

Perhaps it had been my fault! Why had I not called the senior consultant on duty? Perhaps I should have opened Seph up first. It could have

been a simple internal bleed. No, I was always a cheeky bastard, always thought I could handle any emergency. Look at the results, could not keep a simple injured man alive. Sure I followed protocol. Protocols are for everyday cases. This was different. It needed heroic, Herculean efforts, which a more senior, more experienced man could have provided. I know, everyone told me, there was nothing I or the best surgeon in the world could do except make him comfortable. They were lying. Lying like priests of all faiths who say that there is a beneficent god who cares about mankind. No, I was guilty. I was Cain slaying my brother [8, с. 27–28]. – *Возможно, это была моя ошибка! Почему я не позвал дежурного врача? Может быть, мне следовало бы сначала вскрыть Зефа. Это могло быть простое внутреннее кровотечение. Нет, я всегда был наглым ублюдком, всегда думал, что я могу оказать первую помощь. Посмотрите на результат, не смог спасти обыкновенного раненого человека. Конечно, я следовал предписаниям. Но предписания для каждодневных случаев. А это не был обыкновенный случай. Здесь требовались героические, геркулесовы усилия, которые мог бы предпринять человек постарше и поопытнее. Я знаю, и все мне говорили об этом, что ни я, ни самый лучший хирург в мире не смог бы ничего сделать, кроме как облегчить его страдания. Они лгали. Лгали, как священники всех религий, что есть добрый бог, который заботится обо всём человечестве. Нет, я виновен. Я – Каин, убивший своего брата* (перевод мой. – *Ю.П.*).

Интериоризованному дискурсу присуща функция объективации в большей степени, чем какому-либо другому типу дискурса. М.М. Бахтин говорит о двух степенях объективации субъекта. Первая ступень – «сделать себя объектом для другого и для себя самого», вторая ступень – «выразить своё отношение к себе как к объекту» [1, с. 314]. В интериоризованном типе дискурса в большей степени, чем в любом другом, персонаж (через посредство автора) делает себя объектом для себя самого (первая степень объективации) и выражает своё отношение (через посредство автора) к себе (вторая степень объективации).

Психологическая функция самоидентификации тесно связана с процессом объективации субъектом себя в интериоризованном дискурсе. М.М. Бубличенко считает, что «единственным путём познания самого себя для человека является создание проекции вовне. Такой проекцией является творчество субъекта. Процесс самопознания может проходить также через творчество других людей и становиться осознаваемым субъектом» [3, с. 48–49].

Однако в интериоризованном дискурсе также наблюдается обратный процесс субъективации себя – это те случаи, когда субъект проговаривает чужие слова и фразы, которые находят определённый отклик в душе субъекта. Естественно, что этот отклик, эмоциональная оценка этих слов будут отличаться в какой-то степени от эмоциональной оценки первоначального субъекта этих слов.

Магическая функция, по мнению Ю.М. Лотмана, является очень важной в искусстве: «… магическая функция таких предметов, как зеркало, создающих другой мир, похожий на отражаемый, но им не являющийся, “как бы” мир, столь же знаменательна, как и роль метафоры отражения, зеркальности для самосознания искусства» [7, с. 74]. Несомненно, что внутренняя речь обладает некоторой магической силой, силой заклинания, т.к. она, мобилизуя силы субъекта в нужный момент, способствует разрешению сложной для него ситуации. Не случайно внутренняя речь часто присутствует в медитативной практике.

Чаще всего именно те типы внутренней речи, где происходит слияние формы и содержания, обладают силой заклинания и выполняют магическую функцию. Магическая функция и функция заклинания представлены лишь в определённых видах интериоризованного дискурса, а именно в основном в ситуациях сильного эмоционального напряжения, когда субъект часто неосознанно или полуосознанно пытается направить течение событий на желаемый им результат путём неоднократного произнесения определённого набора обрывков слов, целых слов или реже фраз. Очевидно, в сознании современного человека сохранилась глубинная вера в способность изменения окружающей действительности простым заклинанием.

Эмотивная функция в интериоризованном дискурсе находит яркое выражение, т.к. эмоции очень широко представлены в большинстве видов интериоризованного дискурса. В приведённом ниже отрывке главный герой фантастического романа, наш соотечественник Лев Оболенский попадает в тюрьму в средневековом Багдаде. Испытывая такие чувства и эмоции, как удручённость, страх и злоба на своего воображаемого учителя Омара Хайяма: «Отдыхает старый хрен где-нибудь на Карибском побережье, коктейли через трубочку

пьёт, девиц в бикини любовными рубаи охмуряет, а я тут сижу по уши в вонизме, как граф Монте-Кристо!», – молодой человек строит планы своего освобождения из тюрьмы (функция самопланирования – планирования своего поведения, функция самоконтроля, самооценки и самокоррекции): «Надо мыслить позитивно, так и дедушка Хайям учил,… Конечно, таланты у меня, как у самого крутого уголовника. Могу украсть… всё, что хочешь, могу украсть! Даже эту долбаную тюрьму, но для этого мне надо оказаться вне её, а не внутри. Внутри красть нечего, следовательно, профессиональные данные пропадают всуе…». Одновременно он пытается успокоить себя и вдохновить на действия (функция самоинспирации и самоконсоляции) словами: «Тихо, Лёвушка, не плачь, не утонет в речке мяч!; Хотя, с другой стороны, руки-ноги целы, голова ещё болит, но пока на месте, а значит, жизнь продолжается! Эх, любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить! С вашим атаманом не приходится тужить…».

Он грузно уселся прямо на пол и очень тихим голосом, сдержанно, без истерики, попытался поговорить сам с собой. Обычно это считается первым признаком сумасшествия, но поверьте, не в нашем случае.

– Тихо, Лёвушка, не плачь, не утонет в речке мяч! Надо мыслить позитивно, так и дедушка Хайям учил, чтоб ему… Отдыхает старый хрен где-нибудь на Карибском побережье, коктейли через трубочку пьёт, девиц в бикини любовными рубаи охмуряет, а я тут сижу по уши в вонизме, как граф Монте-Кристо! Ох, ох, ох… что ж я маленьким не сдох?! Конечно, таланты у меня, как у самого крутого уголовника. Могу украсть… всё, что хочешь, могу украсть! Даже эту долбаную тюрьму, но для этого мне надо оказаться вне её, а не внутри. Внутри красть нечего, следовательно, профессиональные данные пропадают всуе… Хотя, с другой стороны, руки-ноги целы, голова, ещё болит, но пока на месте, а значит, жизнь продолжается! Эх, любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить! С вашим атаманом не приходится тужить… [2, с. 101].

Также в данном отрывке представлена функция заклинания. Герой автоматически повторяет прецедентные для современного человека фразы, которые служат для него своеобразными молитвами: «Тихо, Лёвушка, не плачь, не утонет в речке мяч!; Ох, ох, ох… что ж я маленьким не сдох?! Эх, любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить! С вашим атаманом не приходится тужить...»

Можно упомянуть о тех функциях языка и речи, которые являются полностью неспецифичными для интериоризованного дискурса. Во внутренней речи и мыслях как таковая коммуникативная функция теряет всякий смысл. На это указывал А.А. Леонтьев: «Даже в обычной речевой практике коммуникативный аспект речевой деятельности часто уступает место использованию языка в заведомо некоммуникативных целях – например, в интеллектуальных актах, в частности, в процессе языкового мышления» [6, с. 30]. Однако коммуникативная функция представлена в интериоризованном дискурсе как вторичном жанре речевого общения – общения автора и читателя через посредство персонажа. Фатическая функция также, как правило, не представлена в интериоризованном дискурсе по причине того, что контакт устанавливать не с кем, т.к. общение направлено на самого субъекта.

Эстетическая функция практически не представлена в интериоризованном дискурсе, т.к. в общении с собой человек практически не думает о красоте языкового выражения, если, конечно, субъект не является эстетом по своей природе. В интериоризованном дискурсе субъекта интересует в большей степени смысловая, а не эстетическая сторона высказывания. Эстетическая витиеватость предполагает избыток языковых / речевых средств выражения; внутренняя речь, напротив, стремится к их экономии, компрессии.

Все вышеперечисленные функции способствуют общей цели автора – усилению художественного воздействия на читателя и активизации, оптимизации читателя. Таким образом, интериоризованный дискурс – это очень сложное синтетическое явление, где отражена специфика самой внутренней речи и мыслительных процессов – их обрывочность, алогичность, клиповость, эвристичность и др. – и специфика их художественной имитации, их художественного отражения.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960-х гг. М. : Рус. словари, 1996.

2. Белянин А.О. Багдадский вор. М.: АРМАДА: Альфа-книга, 2004.

3. Бубличенко М.М. Тайны второго «Я», или Подсознание правит миром. Ростов н/Д.: Феникс, 2008.

4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.

5. Калинина Д. Призрак с хорошей родословной. М.: Эксмо, 2006.

6. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.

7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст – Семиосфера – История. М.: Яз. рус. культуры, 1996.

8. Митра Р.Н. Очень банальная страсть: на англ. яз. М.: Изд-во «Менеджер», 2002.

9. Серкин В.П. Методы психосемантики: пособие для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 2004.

10. Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Дж. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Улисс: роман. Ч. III / пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: ЗнаК, 1994. С. 363–605.

* * *

1. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 5. Raboty 1940–1960-e gg. M. : Rus. slovari, 1996.

2. Beljanin A.O. Bagdadskij vor. M.: ARMADA: Al'fa-kniga, 2004.

3. Bublichenko M.M. Tajny vtorogo «Ja», ili Podsoznanie pravit mirom. Rostov n/D.: Feniks, 2008.

4. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informacii. M.: Nauka, 1982.

5. Kalinina D. Prizrak s horoshej rodoslovnoj. M.: Jeksmo, 2006.

6. Leont'ev A.A. Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. M.: Prosveshhenie, 1969.

7. Lotman Ju.M. Vnutri mysljashhih mirov: Chelovek. Tekst – Semiosfera – Istorija. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1996.

8. Mitra R.N. Ochen' banal'naja strast': na angl. jaz. M.: Izd-vo «Menedzher», 2002.

9. Serkin V.P. Metody psihosemantiki: posobie dlja stud. vuzov. M.: Aspekt Press, 2004.

10. Horuzhij S.S. «Uliss» v russkom zerkale // Dzhojs Dzh. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 3: Uliss: roman. Ch. III / per. s angl. V. Hinkisa i S. Horuzhego. M.: ZnaK, 1994. S. 363–605.

General speech functions of the interiorized discourse

There is revealed the notion of the interiorized discourse, which is the model of inner speech of a character in a fiction work. There are analyzed the general speech functions of the interiorized discourse, i.e. some global functions of the language – speech in general, and inner speech and interiorized discourse in particular.

Key words: *interiorized discourse, inner speech, thought forming function, nominative function, objectivation function, magic function, emotive function, incantation function.*

(Статья поступила в редакцию 03.10.2015)

О.А. КРАПИВКИНА
(Иркутск)

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Анализируются языковые средства вербализации субъекта дискурса на материале текстов научных статей, опубликованных в англоязычных и русскоязычных журналах. Выделяются три ипостаси субъекта научного дискурса: субъект-исследователь, субъект-аналитик, субъект-представитель. Представлен сравнительный анализ частоты использования языковых маркеров субъекта в англоязычных и русскоязычных научных текстах.

Ключевые слова: *научный дискурс, языковая единица, местоимение, субъект дискурса, вербализация субъекта.*

Научный дискурс – это не только совокупность высказываний о новых идеях и результатах исследования. В нем можно обнаружить точки зрения автора, его взгляды, диалог с читателем, обращения к научному сообществу. Эти функции реализуются с помощью различных маркеров субъекта дискурса, среди которых местоимения первого лица единственного и множественного числа, дескрипции (*автор, author, researcher*), бессубъектные конструкции и персонифицированные объекты.

Данное исследование, как нам представляется, будет полезно для российских авторов, которые планируют публиковать свои научные работы в англоязычных журналах. Следование конвенциям англоязычного академического сообщества предполагает и следование принятым в нем способам самопрезентации.

Следует отметить, что способ вербализации автора научного текста вызывает разногласия среди исследователей. Спорным является и вопрос о возможности использования местоимений первого лица единственного числа в научной статье. Считается, что личные местоимения субъективируют научные высказывания, ставя под сомнение их достоверность. Такие высказывания утрачивают свою «научность». Личные местоимения отвлекают от анализа данных, смещая коммуникативный фокус с исследуемых объектов на личность субъекта дискурса. Употребление личных местоимений первого лица противоречит требованию формальности и объективности науч-

© Крапивкина О.А., 2015